

Т. В. Мальцева, Ю. А. Скиба

Матримониальные конфликты в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова

Материалом статьи является художественная рефлексия уникальной личной практики «сестроительства» рода Аксаковых, отраженная в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова. В рамках семейной темы как ведущей в русской романистике и семейной мемуарной прозе XIX века проанализированы описанные С. Т. Аксаковым роли героев в матримониальных коллизиях, где сталкиваются такие факторы, как любовь, неравенство, власть. В матримониальном планировании происходит конфликт между интересами рода и семьи, который разрешается различно. Проанализирован матримониальный конфликт брачного союза представителей родов Багровых и Зубиных, следствием которого является изменение функциональных ролей сторон этого союза в семье. Охарактеризовано, как герои матримониальной коллизии понимают природу любви и пытаются отстоять ее вопреки традиции рода и патриархальным семейным ролям. Выявлено соотношение патриархальных ролей в семье и гендерологические характеристики исполнителей этих ролей, конфликты интересов рода и семьи, являющиеся причиной семейной конкуренции, в результате чего не только проявляются фамильные свойства характеров, но и формируются новые.

Ключевые слова: С. Т. Аксаков, «Семейная хроника», матримониальные коллизии, гендерные роли, семья, род.

Для цитирования: Мальцева Т. В., Скиба Ю. А. Матримониальные конфликты в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 4. – С. 28–42. DOI: 10.35231/25419803_2023_4_28. EDN: DFKDVX

«Русский роман говорит преимущественно о семье, о человеке в семье, о человеке, утратившем связи с семейным кругом. Многообразие семейно-родственных отношений, различные стороны семейной жизни, все ее коллизии охвачены романом...» [5; с. 7–8]. Это утверждение В. А. Котельникова о семейной теме как ведущей в русской романистике справедливо и по отношению к семейной мемуарной прозе. Особое место в ее ряду занимает «Семейная хроника» С. Т. Аксакова. О роли семьи в жизни человека и об-

щества писал сын Аксакова Иван Сергеевич: «Кажется нам, история умственного и общественного развития в России едва ли может быть вполне понята без частной истории семей, без оценки той системы участия, <...> которое в нашей личной и общественной судьбе приходится на долю семье и быту, – непосредственному действию предания и обычая» [1; с. 19–20].

Уникальная практика «семьестроительства» рода Аксаковых и ее отражение в семейных автодокументах – мемуарах, записных книжках, переписке, а также беллетристической и художественной прозе выдающегося представителя рода Сергея Тимофеевича Аксакова является объектом пристального интереса литературоведов. Так, роль рода Аксаковых в русской культуре и художественная рефлексия аксаковской «мысли семейной» осмыслена в монографиях С. И. Машинского [14], Ю. В. Манна [13], Е. И. Анненковой [3], монографии [11] и статьях В. А. Кошелева [8–10], а также А. А. Чуркина [18], Л. Н. Савиной [17] и др. Литургические мотивы «семьестроительства» в мемуарной прозе Аксакова анализирует Г. В. Мосалева [16]. Исследователь выявляет как реальные – исторические, социальные, культурологические – характеристики семьи и семейных ролей, так и сакральные, инобытийные. Основам формирования собственной аксаковской семьи и воспитания детей, отраженным в хронике, посвящены многочисленные диссертационные исследования: О. С. Тарасенко¹ и Т. В. Пустошкина рассматривают семейную трилогию С. Т. Аксакова как часть концептуального основания русского национального мифа «о золотом счастливом детстве»²; Н. И. Романова, анализируя тематический контекст повести Л. Н. Толстого «Детство», справедливо утверждает, что в «Семейной хронике» Аксакова «первостепенное значение отводится семье, в которой гармонично сочетаются образованность, нравственная сила и высота духовных устремлений»³; А. А. Чуркин, анализируя «романизированные методы» отбора элементов содержания «Семейной хроники», представляет некоторые матримониальные сюжеты мемуаров преце-

¹ Тарасенко О. С. С. Т. Аксаков и М. А. Осоргин: типология творческих индивидуальностей: дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2011. 247 с.

² Пустошкина Т. В. Мифология детства в русской прозе 20–40-х гг. XIX века, ее своеобразии и развитии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 9.

³ Романова Н. И. Повесть Л. Н. Толстого «Детство» в контексте русских художественно-автобиографических повестей середины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 14.

дентами готического романа, считая, что, обращаясь к этой традиции, «мемуарист получил широкую свободу в выборе художественных средств»¹; мифопоэтическое начало в описании семейных отношений в семье Аксаковых анализирует В. Е. Угрюмов², тему домостроительства, роль жены и матери в семье, поэтику и семантику мужских и женских образов в хронике Аксакова исследует Н. А. Колодина³ и т. д.

С понятием «семья» у Аксакова противоречиво связано близкое ему понятие «род», которое имеет важные смысловые оттенки и через них – прямое отношение к природе (породе) человека и к родственникам. Что касается Аксакова, то справедливо замечено: «Мотивы, основанные на идее родства, не просто играют существенную роль в композиции “Семейной хроники”, своим присутствием они пронизывают все семантически значимые уровни текста»⁴.

Судьба фамильного рода может быть обусловлена гендерологически, так как прямыми продолжателями рода Степан Багров считает только сыновей, а «...дочерей считал он ни за что. “Что в них проку! ведь они глядят не в дом, а из дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда – Алексей...” – сказал на прощанье мой дедушка и отправился за Волгу» [2, с. 76; курсив здесь и далее в цитатах наш. – Т. М., Ю. С.]. Таким образом, интересам продолжения фамильного рода могут противоречить женские инстинкты к образованию новых – своих – семей (казалось бы, вполне законные для человеческой природы). В этом мы видим противоречие связи между понятиями «род» и «семья».

Дифференцированное отношение к детям разного пола является не случайной прихотью главы рода, но принципиальной установкой. Потому оно распространилось позднее и на внуков. Первой в браке Алексея Багрова родилась девочка – внучка Степана Багрова, но прожила недолго: «Степан Михайлыч принял известие о смерти внучки весьма равнодушно, даже сказал: “Вот есть об чем убиваться, об девчонке, этого добра еще будет!” Но когда вслед за первым известием

¹ Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 13.

² Угрюмов В. Е. Стиль прозы С. Т. Аксакова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 176 с.

³ Колодина Н. А. Проза С. Т. Аксакова: Контекст и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003. 214 с.

⁴ Чуркин А. А. Мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова: проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. С. 109.

было получено другое, что здоровье Софьи Николавны находится в опасности, – старик сильно перетревожился» [2, с. 265], но продолжал надеяться, что невестка еще подарит ему внука (и надежда впоследствии оправдалась).

Сам Степан Багров изначально женился не по любви на «небогатой девице, также из старинного дворянского дома. <...> Он не женился на одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин» [2; с. 77–78]. Так что интересы продолжения фамильного рода могут выступать даже против эмоциональных предпочтений, интимных наклонностей и более того – преодолевать их. Подобные приоритеты Степан Багров будет навязывать и своему сыну как продолжателю рода. Значит, в аксиологическом измерении ценности фамильного рода могут оказываться по значимости выше ценностей семьи или даже любви.

Материалы и методы

Материалом исследования является мемуарно-автобиографическая проза С. Т. Аксакова «Семейная хроника». Предмет анализа – матримониальные коллизии планируемого брачного союза представителей родов Багровых (Алексей) и Зубиных (Софья), следствием которых является определение функциональных ролей сторон этого союза в семье. Описываемые Аксаковым семейные отношения относятся еще к XVIII веку, но работа писателя по составлению «Семейной хроники» началась в 1840-е годы, поэтому они рассматриваются в общественном и литературном контексте, связанном с дискуссией 1840–1860-х гг. о кризисе патриархальной семьи [4]. О необходимости выработки новых этических оснований брака и семьи, о равноправии в браке писал М. Л. Михайлов: «Вопрос о положении и об организации семейства есть один из самых насущных вопросов нашего времени. Только от его разрешения зависят твердые и правильные успехи цивилизации» [15, с. 163]. Мы рассматриваем матримониальную коллизию с точки зрения конфликта патриархальных ролей в семье и гендерологические характеристики членов семейного союза, конфликты интересов рода и семьи, являющиеся причиной семейной конкуренции, изменяющей природные фамильные свойства характеров героев.

Результаты

В «Семейной хронике» развернуты разные варианты семейной конкуренции – как внешние (между семьями по родovitости, богатству и проч.), так и внутри семьи (власть семейной роли и власть любви). На первом плане выступают семьи Багровых и Зубиных. Планируемая свадьба Алексея и Софьи образует новое семейное звено и намечает перспективу (затем реализованную с рождением сына Сережи) продолжения рода Багровых. При сравнении этих семей безусловно значимыми оказываются факторы социального, имущественного и культурного неравенства родов. По двум первым Багровы в неявной конкуренции выигрывают у Зубиных, а по культурному развитию явно проигрывают им. Про Степана Багрова, например, узнаем, что «при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо», в заслугу себе ставил лишь то, что выучился «первым правилам арифметики и выкладке на счетах» [2, с. 76]. Между тем, Николай Зубин в губернской Уфе был «товарищ наместника коллежский советник» [2, с. 140]. Должность по тем временам неординарная, значит, уровень образования у занимающего эту должность должен быть достаточно высокий.

Два главы семейства – Степан Багров и Николай Зубин – различаются и в гендерологическом отношении. Первый из них – несомненный носитель мускулинности [5], что отражено в его портрете, во властных инстинктах и в поведении. У второго, напротив, наблюдаются признаки женственного безволия. Например, во втором браке Николай явный «подкаблучник» и не способен защитить свою любимицу-дочь от своеволия мачехи: «...не видел дочери по целым месяцам и, когда встречал одетую чуть не в рубище, – отворачивался, вздыхал, плакал потихоньку и спешил удалиться» [2, с. 141].

Дети, как свидетельствует Аксаков, не всегда напрямую наследуют природные свойства родителей. Но в культурном отношении Софья Зубина даже превзошла своего отца. Она с юности активно занималась самообразованием, выучилась читать и говорить по-французски. Внимание к семейной конкуренции обостряется с намечающимся браком между Алексеем Багровым и Софьей Зубиной. Все потенциальные

как сторонники, так и противники образования новой семьи (притом из разных «лагерей») приводили доводы, касающиеся многоаспектного неравенства между возможными супругами. Даже те, кто сочувствовал и содействовал союзу Алексея и Софьи с нейтральных позиций, указывали на факторы неравенства. Например, дальняя родственница Багровых характеризовала жениха и невесту как *неровню* с разных точек зрения: «...она преумная, прегордая, превоспитанная. <...> Ты, конечно, красавчик, старинного дворянского рода, <...> со временем будешь и богат <...>; но ты человек не ошлифованный, деревенский, ничему не ученый, и больно уж смирен в публике...» [2, с. 146]. Алексей удивляется ее сомнениям по поводу согласия своих родителей на этот брак: «...разве есть какой-нибудь порок в Софье Николавне?» – “Пребольшой, – отвечала умная старуха. – Она бедна, у нее ровно нет ничего, а ее дедушка был простой урядник в казачьем Уральском войске” [2, с. 147]. Тем более в самом семействе Багровых должны были изначально в штыки воспринять возможный брак Алексея с Софьей, особенно его сестры. На первый взгляд, фигурируют все те же факторы социального и имущественного неравенства: «...вот какое мнение составилось о Софье Николавне. Во-первых, Зубиха (так называли ее сестры и мать Алексея Степаныча в своих тайных заседаниях) – низкого рода; дедушка у ней был уральский казак, по прозванью Зуб, а мать <...> – из купеческого звания. Следовательно, низко было породниться с ней старинному дворянскому дому. Во-вторых, Зубиха – нищая: как умрет отец или отставят его от должности, то пойдет по миру, а потому и братцев, и сестриц своих навяжет на шею мужу. В-третьих, Зубиха – *гордячка*, *модница* <...>; следовательно, на них, на деревенских жителей, – даром что они старинные столбовые дворяне, – и плюнуть не захочет. Наконец, в-четвертых, Зубиха – колдунья, которая корнями приворачивает к себе всех мужчин, бегающих за ней высуня язык, и в том числе приворотила бедного братца их» [2; с. 148–149].

Иначе говоря, после двух первых, очевидных (и как бы резонных), доводов вступают в силу третий и четвертый – и в них проглядывают эгоизм и ревность. Если Софья «гордячка» и «модница», то значит, ей есть чем гордиться перед «деревенскими жителями» (в том числе и перед женихом).

Невольно признается (в-третьих) более высокий общекультурный уровень невестки. И что еще важнее (в-четвертых) – в основе планируемой семьи угадывается любовь, чего лишены сестры Багровы. А любовь является очень важной ценностью в аксиологическом девичьем мире.

Обратим внимание, что семьи Багровых и Зубиных складывались по велению принципиально разных инстинктов. Как уже сказано, Степан Багров в свое время подавил сердечную склонность и выбрал жену по *родовитости*. А Николай Зубин был женат дважды, и оба раза – *по любви*. Когда он волею обстоятельств овдовел, «у него осталось трое детей: дочь Сонечка, двенадцати лет, и два малолетних сына. Отец любил свою Сонечку страстно, да и как было не любить такую красавицу и умницу <...>. Года через полтора после смерти первой жены, *горячо им любимой*», он «влюбился <...> и вскоре женился» [2, с. 140].

И вот в новом поколении обеих семей их представители во многом изменяют семейным природным свойствам. Во-первых, они уже не похожи на своих отцов: натерпевшаяся от мачехи Софья начинает доминировать над безвольным отцом; почитание отца избалованным Алексеем держится не на уважении, а на страхе. А в самом сыне проявляется то, что чуждо Багрову-старшему, – изнеженность, мягкосердечие. В перспективе обсуждаемой свадьбы меняются даже полюса намерений: в Алексее регулярно подчеркивается его «безумная любовь», а Софья, напротив, неоднократно признается (в том числе, будущему мужу) в отсутствии подобных ответных чувств.

Матримониальные сложности, описанные Аксаковым, предвосхищают гончаровский и толстовский варианты матримониальных коллизий и вариант Достоевского. Гончаров в своем романе покажет многоаспектное неравенство Ольги Ильинской и Ильи Обломова, препятствующее их любовному и семейному союзу. Толстой опишет нечто подобное в «Войне и мире» (Андрей Болконский и Наташа Ростова). Наконец, у Достоевского в повести «Кроткая» будет показано закономерное разрушение семейного союза героев под влиянием неравенства другого рода, в более сложном варианте [12].

Что касается препятствий к союзу Алексея и Софьи в хронике Аксакова, здесь важную роль сыграли позиции их от-

цов. С одной стороны, оба отца указывают на знакомый фактор неравенства, и всякий раз оно понимается в пользу девушки. Софья и образованнее, и бойчее, и умнее Алексея. Это признаёт даже Степан Багров и считает, что она «будет командирша над мужем». А с патриархальных позиций это неприемлемо для семейных отношений (так повелось со времен Гесиода, закреплено в русском Домострое и архетипически сказывается в инстинктах Багрова-старшего). Помехой является и влюбленность Алексея. Это противоречит и личному опыту Степана Багрова.

С другой стороны, у Зубина-старшего опыт был во многом противоположный: семейные союзы он дважды заключал *по любви*. Однако последствия второго брака Николая Федоровича были далеко не благими. Он свёл любимых жену и дочь в положение *мачехи* и *падчерицы*. Их разлад оказался непреодолимым и привел к драматичным последствиям. Новообразованная семья Зубиных начинала разваливаться. Этот процесс завершился, по воле судьбы, смертью мачехи (она умерла вскоре после родов): «Боже мой, как *смерть перевернула все вверх дном!* <...> Раскаянье долго терзало больного старика, долго лились у него слезы и день и ночь, и долго повторял он только одни слова: “Нет, Сонечка, ты не можешь меня простить!”» [2, с. 143].

Таким образом, к моменту объяснений с детьми по поводу их решения вступить в брак отцы были в очень разных положениях. Страстно желавший продолжения рода Степан Багров был в «сильной позиции»: он отговаривает баловня-сына с полным правом и здравыми доводами, на которые нечего возразить. Николай Зубин, в свою очередь, приводит подобные же доводы против брака, но позиция его уязвима. Во-первых, в нем живет неизбывная вина перед дочерью, и он давно потерял моральное право решать ее судьбу. Во-вторых, сам же он (впрочем, как и Багров-старший) признает в Софье сильную и самостоятельную натуру: «Николай Федорыч проследил за ней и сказал: “Друг мой, умница моя Сонечка! делай, что тебе угодно: я на все согласен”» [2, с. 168]. В перспективе новой семье ей уготовлена уж никак не подчиненная роль.

Перелом в решениях отцов (в сторону согласия на брак их детей) произошел по разным и также примечательным мо-

тивам. Алексей преодолевает запрет отца – отчаянием и готовностью на самоубийство (то есть фактически – своей слабостью). Софья демонстрирует во многом обратный вариант (такое сегодня принято называть *мягкой силой*): она гасит сомнения слабовольного отца собственной решимостью влиять на будущего мужа и постепенно изживать культурное неравенство между ним и собою. Она видит плюсы даже в том, в чем отец – минусы, и воспринимает неравенство как вызов для себя: «Батюшка! <...> я надеюсь, с божиею помощью, что чрез год вы не узнаете Алексея Степаныча. Чтение хороших книг, общество умных людей, беспрестанные разговоры со мною вознаградят недостаток воспитания; застенчивость пройдет, и умнее держать себя в свете придет само собою» [2; с. 171–172].

Решимость Алексея на самоубийство, обозначенная далеко не в бунтарском, а в отчаянно-смирном письме, оказалась вынужденным, однако *сильным ходом* уже потому, что ставила под угрозу генеральную стратегию отца, нацеленную на продолжение рода: «Ведь не позволим, так нам не видать Алексея как ушей своих: или умрет с тоски, или на войну уйдет, или пойдет в монахи – и род Багровых прекратится» [2, с. 156].

Сам мотив власти был замечен в хронике и ранее (власть Степана Михалыча в его семье, власть мачехи Александры в семье Зубиных, власть Михаила Максимовича в семье Куролесовых). Но с момента рассматриваемых предсвадебных «договоренностей» этот мотив преобразуется в постановку полноценной *многоаспектной проблемы*. Многоаспектность сказывается в том, что можно иметь в виду власть мужчины над женщиной (и наоборот). А можно усматривать власть любви в поступках человека (будь то мужчина или женщина). И напротив, возможно властное подавление любовных инстинктов за счет иных, враждебных любви, влияний (например, интересов конкретной семьи или фамильного рода в целом). Проблемность же заключается в том, что исход конфликтного столкновения двух и более выражений «власти» не всегда остается единовременным и окончательным. Возможна ведь изменчивая история конфликта с переменной результатов.

О готовности Софьи к замужеству автор выразился так, что «любовь к *власти* была тайною причиною ее решимости» [2, с. 167]. Она знает цену женской власти в семье,

потому что извела ее на себе и на примере отца-«подкаблучника». Пока что понаслышке, по рассказам о Степане Багрове, она знает и о мужской семейной власти (а затем узнает и воочию). И фактически совсем она не знает (правда, тоже наслышана, или, вернее, *поначитана*) – о власти любви. Поэтому на любовь слабовольного Алексея она всецело полагаться не хочет. Значит, обеспечивать будущее семейное согласие она должна будет сама, *своею властью*.

То, что Софья плохо знает любовь с ее свойствами, подтверждается ее душевными движениями и надеждами. Например: «Ей представилась пленительная картина постепенного пробуждения и воспитания дикаря, у которого не было недостатка ни в уме, ни в чувствах, погруженных в непробудный сон, который будет еще более любить ее, если это возможно, в благодарность за свое образование» [2, с. 167]. Во-первых, любить за образование – это что-то новое. Здесь возникает еще одна, очередная аллюзия, на этот раз на Чернышевского. Это в его романе «Что делать?» Вера Павловна *ненадолго* влюбляется в Лопухова. Но ни у Аксакова как предшественника Чернышевского, ни у других писателей – например, у Гончарова, Тургенева, Толстого – их героям влюбляться из *благодарности за что-либо* – не суждено (и навверное, слава богу). Во-вторых, любовь принципиально *не дозируется*. Любить всё менее или еще более человек, пожалуй, не способен. А вот Софья продолжает иметь в виду *дозированную* любовь и даже будет распространять это понимание на себя, равняться в этом с влюбленным Алексеем. Почти накануне свадьбы она, натерпевшись от приглашенных посмотреть на нее золовок, прочла жениху гневную нотацию. И, помимо прочего, заметила: «Вы знаете, что я не влюблена в вас, но я начинала любить вас и, конечно, полюбила бы сильнее и постояннее, чем вы» [2, с. 181].

Вот с таким пониманием любви Софья берется поучать жениха: «Нет, Алексей Степаныч, *благородные люди не так любят и не так поступают*. Зная, что меня терпеть не могут ваши родные, <...> вы допустили их говорить вам в глаза оскорбительные мне слова. <...> Я заключаю из всего этого, что любовь ваша *пустое нежничанье*, что на вас нельзя положиться и что нам лучше расстаться теперь, нежели быть

несчастливыми на всю жизнь» [2, с. 181]. То есть неосознанно для себя она допускает логическую ошибку – ставит его любовь (природу которой не понимает) в зависимость от семейной власти (которую понимает очень хорошо). Сама пока что не обретя такой власти, Софья ждет и требует от Алексея как раз того, в отсутствие чего давно убедилась и приняла его таким, каков он есть, – безвольным: «...имеете ли вы довольно твердости, чтобы быть моим защитником против ваших родных и всех, кто вздумал бы оскорблять меня? Можете ли вы заставить ваших сестер не обижать меня?» [2, с. 181].

Далее последовал примечательный поворот, даже скачок, в душевной жизни Алексея, и здесь неожиданно сказалась не предвиденная никем власть любви. Оказалось, что она способна – пусть на время – влиять даже на природу влюбленного человека, менять его. Так произошло и с Алексеем Багровым под угрозой отмены свадьбы и потери любимой: «Как громом пораженный, Алексей Степаныч не вдруг пришел в себя. Наконец, мысль потерять обожаемую Софью Николаевну представилась ему с поразительной ясностью, ужаснула его и вызвала то мужество, ту энергию, к которой бывают способны на короткое время люди самого слабого, самого кроткого нрава. <...> Человек добрый, тихий и терпеливый бывает страшен в гневе» [2; с. 181–182].

Притом любовь, как оказалось, если сильна, то добывает своего, потому что изобретательна. Вот и Алексей, если уж не имеет своей власти над сестрами, то интуитивно апеллирует к чужой, безусловной для всех его домочадцев. Он «сказал между прочим своим сестрам, что “если они осмелятся еще сказать при нем хотя одно оскорбительное слово об его невесте или насчет его самого, то он <...> обо всем напишет к батюшке”. Этого было довольно». Угроза возымела действие. Сестры «поехали к Софье Николаевне, лебезили перед ней и ласкались самым униженным образом. Она очень хорошо поняла, что это значит, и – торжествовала» [2, с. 181].

То есть любовь Алексея побудила его на сильный ход, который мало того что изменил ситуацию, но на время преобразил даже его самого: «Его любовь, <...> несколько запуганная и как будто пристыженная насмешками сестер, – вспыхнула с такую яростью, что в настоящую минуту он был способен

на всякое самоотвержение, на всякий отчаянный поступок, пожалуй – на геройство» [2; с. 181–182].

Обсуждение и выводы

Таковы, на наш взгляд, описанные Аксаковым роли в матримониальных коллизиях таких факторов, как неравенство, власть и любовь. Рассмотрены матримониальные коллизии осуществленных браков и планируемой свадьбы представителей родов Багровых и Зубиных, следствием которой является отрицание патриархального разделения семейных ролей и перераспределение семейных функций в этом союзе.

Описаны две модели семейной стратегии: 1) интересы продолжения *фамильного рода* заставляют следовать патриархальной традиции и преодолевают личное влечение (семья Багрова-старшего); 2) стремление создать свою семью преодолевает традиции *фамильного рода* и приводит к изменению семейных ролей (семья Алексея Багрова и Софьи Николаевны Зубиной). Результат в этом случае возможен различный: изменения в семейных ролях (доминирование жены) могут быть как губительны для семьи (второй брак Николая Зубина), так и созидательны. В создаваемой новой семье обнаруживается сознательно планируемая невестой инициатива «*семейной власти*» жены, которая видит свою роль в семье в том, пробудить и воспитать «дикаря, <...> погруженного в непробудный сон», чтобы влиять на слабовольного мужа и изживать культурное неравенство между ним и собою, «поднять» мужа до своего уровня. Установлено, что героини планируемой матримониальной коллизии иначе понимают природу любви и свои семейные роли, чем в патриархальной семье, и пытаются отстаивать свои чувства вопреки традиции рода. Понимание «*власти любви*» приводит героев к изменениям традиционной модели поведения в семье, сильным поступкам и формированию новых черт характера.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. – М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – 327 с.
2. Аксаков С. Т. Собр. соч. В 4 тт. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 1. – 492 с.

3. Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. – 366 с.
4. Бурмистрова С. В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 8 (98). С. 73–79.
5. Заварницына Н. М. «Идея отца» и образ главы семейства в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Наследие семьи Аксаковых и проблемы ценностного выбора в современной культуре: материалы Всероссийской научно-практической конф., 14 ноября 2017 г. – Самара: СГИК, 2018. – С. 71–75.
6. Кожин В. В. «Семейная хроника» С. Т. Аксакова // Литература в школе. – 1995. – № 1. – С. 19–25.
7. Котельников В. А. От редактора серии // Анненкова Е. И. Аксаковы. – СПб.: Наука, 1998. (Преданья русского семейства). – С. 4–11.
8. Кошелев В. А. Семейные традиции Аксаковых как феномен русского славянофильства // С. Т. Аксаков и славянская культура. – Уфа: БашГУ, 1991. – С. 60–61.
9. Кошелев В. А. Предания рода и семьи в художественном мире С. Т. Аксакова // Оренбургский край: Архивные документы. Материалы. Исследования. – Оренбург, 2006. – Вып. 3. – С. 131–138.
10. Кошелев В. А. Аксаковы: мифология рода // Вторые Аксаковские чтения: сб. материалов Всероссийской научной конф. 21–24 сент. 2006 г. / под общ. ред. Л. А. Сапченко; Ульяновский гос. ун-т. – Ульяновск, 2006. – С. 17–24.
11. Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. – СПб.: Полиграф, 2019. – 380 с.
12. Макаричева Н. А. Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского. – СПб.: изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 224–238.
13. Манн Ю. В. Семья Аксаковых. Историко-литературный очерк. – М.: Детская литература, 1992. – 399 с.
14. Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. – М.: ГИХЛ, 1961. – 344 с.
15. Михайлов М. Л. Парижские письма // Современник. – 1859. – Т. 73. – Февраль. – Отд. 3.
16. Мосалева Г. В. Летопись варяжского рода: Храмовая структура и литургические сюжеты в мемуарно-биографической прозе С. Т. Аксакова // Филологический класс. – 2016. – № 1 (43). – С. 76–82.
17. Савина Л. Н. «Мысль семейная» в автобиографических повестях С. Т. Аксакова // Мировая словесность для детей и о детях. – М., 2006. – Вып. 11. – С. 229–234.
18. Чуркин А. А. Тема и мотивы семьи в «Семейной хронике» С. Т. Аксакова // Русская литература. – 2009. – № 1. – С. 133–145.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Tatiana V. Maltseva, Yulia A. Skiba

Matrimonial Conflicts in "Family Chronicle" by S. T. Aksakov

The material of the article is an artistic reflection of the unique personal practice of "family building" of the Aksakov family. It is reflected in the "Family Chronicle" by S. T. Aksakov. The theme of family is leading in Russian novels and memoir prose of the 19th century. The roles of heroes in matrimonial conflicts where factors such as love, inequality, and power collide are analyzed. In matrimonial planning, there is a conflict between the interests of the clan

and the family. It describes how the patriarchal idea of the role of the wife in the family is changing. The matrimonial conflict of the planned marriage union of the Bagrov and Zubin family is described. The consequence of the conflict is the determination of the functional roles of the parties to this union in the family. It is characterized how the heroes of the matrimonial conflict understand the nature of love and try to defend it contrary to the tradition of the clan. The correlation of patriarchal roles in the family and the genderological characteristics of the performers of these roles have been revealed. The conflict of interests of the clan and family, which is the cause of family competition, is described. As a result of the conflict, not only family characteristics of characters appear, but also new ones are formed.

Key words: S. T. Aksakov, "Family Chronicle", matrimonial conflicts, gender roles, family, clan.

For citation: Maltseva, T. V., Skiba, Yu. A. (2023) Matrimonial'nye konflikty v «Semejnoj hronike» S. T. Aksakova [Matrimonial Conflicts in "Family Chronicle" by S. T. Aksakov]. *Art Logos – The Art of the Word*. No. 4. Pp. 28–42. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2023_4_28. EDN: DFKDVX

References

1. Aksakov, I. S. (1886) *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva* [Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev]. Moscow: Tipografiya M. G. Volchaninova. (In Russian).
2. Aksakov, S. T. (1955) *Sobr. soch. V 4 tt.* [Collection. op. in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ. (In Russian).
3. Annenkova, E. I. (1998) *Aksakovy* [Aksakovs]. St. Petersburg: Nauka Publ. (Predan'ya russkogo semejstva). (In Russian).
4. Burmistrova, S. V. (2010) *Lyubovno-semejnyaya problematika v russkoj literature serediny XIX veka* [Love and family issues in Russian literature of the mid-19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the TSPU*. Issue 8 (98). Pp. 73–79. (In Russian).
5. Zavarnicyyna, N. M. (2018) «Ideya otca» i obraz glavy semejstva v «Semejnoj hronike» S. T. Aksakova [“The Idea of the Father” and the image of the head of the family in S. T. Aksakov's “Family Chronicle”]. *Nasledie sem'i Aksakovykh i problemy cenostnogo vybora v sovremennoj kul'ture: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konf., 14 noyabrya 2017 g.* [Heritage of the Aksakov family and problems of value choice in modern culture: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, November 14, 2017]. Samara: SGIK Publ. Pp. 71–75. (In Russian).
6. Kozhinov, V. V. (1995) *Semejnaya hronika S. T. Aksakova* [Family chronicle of S. T. Aksakova]. *Literatura v shkole – Literature at school*. No. 1. Pp. 19–25. (In Russian).
7. Kotel'nikov, V. A. (1998) *Ot redaktora serii* [From the editor of the series]. Annenkova E. I. *Aksakovy* [Aksakovs]. St. Petersburg: Nauka Publ. Pp. 4–11. (Predan'ya russkogo semejstva). (In Russian).
8. Koshelev, V. A. (1991) *Semejnye tradicii Aksakovykh kak fenomen russkogo slavjanofil'stva* [Family traditions of the Aksakovs as a phenomenon of Russian Slavophilism]. S. T. *Aksakov i slavyanskaya kul'tura* [S. T. Aksakov and Slavic culture]. Ufa: BashGU Publ. Pp. 60–61. (In Russian).
9. Koshelev, V. A. (2006) *Predaniya roda i sem'i v hudozhestvennom mire S. T. Aksakova* [Traditions of clan and family in the artistic world of S. T. Aksakova]. *Orenburgskij kraj: Arhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya* [Orenburg region: Archival documents. Materials. Research]. Issue 3. Pp. 131–138. Orenburg. (In Russian).
10. Koshelev, V. A. (2006) *Aksakovy: mifologiya roda* [Aksakovs: mythology of the family] *Vtorye Aksakovskie chteniya* [Second Aksakov Readings]. Collection materials of the All-Russian scientific conf. 21–24 Sept. 2006; ed. L. A. Sapchenko; Ulyanovsk State University. Ulyanovsk. Pp. 17–24. (In Russian).
11. Koshelev, V. A. (2019) *Sto let sem'i Aksakovykh* [One hundred years of the Aksakov family]. St. Petersburg: Poligraf Publ. (In Russian).

12. Makaricheva, N. A. (2019) *Hudozhestvennaya genderologiya v tvorcheskikh iskaniyah* F. M. Dostoevskogo [Artistic genderology in the creative quest of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg: SPbGEU Publ. Pp. 224–238. (In Russian).

13. Mann, YU. V. (1992) *Sem'ya Aksakovykh. Istoriko-literaturnyj ocherk* [The Aksakov family. Historical and literary essay]. Moscow: Detskaya literatura Publ. (In Russian).

14. Mashinskij, S. I. (1961) *S. T. Aksakov. ZHizn' i tvorchestvo* [Aksakov. Life and art]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury Publ. (In Russian).

15. Mihajlov, M. L. (1859) *Parizhskie pis'ma* [Paris letters]. *Sovremennik – Contemporary*. Vol. 73. Fevral'. Part 3. (In Russian).

16. Mosaleva, G. V. (2016) *Letopis' varyazhskogo roda: Hramovaya struktura i liturgicheskie syuzhety v memuarно-biograficheskoj proze S. T. Aksakova* [Chronicle of the Varangian family: Temple structure and liturgical subjects in the memoir-biographical prose of S. T. Aksakov]. *Filologicheskij klass – Philological class*. No. 1 (43). Pp. 76–82. (In Russian).

17. Savina, L. N. (2006) «Mysl' semejnaya» v avtobiograficheskikh povestiyah S. T. Aksakova [“Family Thought” in the autobiographical stories of S. T. Aksakov]. *Mirovaya slovesnost' dlya detej i o detyah* [World literature for children and about children]. Issue 11. Pp. 229–234. (In Russian).

18. Churkin, A. A. (2009) *Tema i motivy sem'i v «Semejnoj hronike» S. T. Aksakova* [The theme and motives of the family in “Family Chronicle” by S. T. Aksakov]. *Russkaya literatura – Russian literature*. No. 1. Pp. 133–145. (In Russian).

Об авторах

Мальцева Татьяна Владимировна, заведующий научно-образовательным центром русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: kaflit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

Скиба Юлия Александровна, аспирант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: cool_11@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-7760-1082

About the authors

Tatiana V. Maltseva, Head of the Scientific and Educational Center of the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: kaflit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

Yulia A. Skiba, Graduate Student, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: cool_11@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-7760-1082

дата получения: 21.10.2023 г.
дата принятия: 30.11.2023 г.
дата публикации: 30.12.2023 г.

date of receiving: 21 October 2023
date of acceptance: 30 November 2023
date of publication: 30 December 2023